

ИЗ ИСТОРИИ НАУКИ О ЯЗЫКЕ И О ВЫБОРЕ ПУТИ УЧЕНОГО

УДК 81:141.82"1950"

СТАЛИН, МАРКСИЗМ И ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

А. О. Ханский

Тверской государственный университет, Тверь

Обсуждается вклад И.В. Сталина в теоретическое развитие марксизма и языкознания в ходе дискуссии 1950 г.

Ключевые слова: марксизм, история языкознания, философия языка, дискуссия по вопросам советского языкознания 1950 г.

Уже более 60-ти лет прошло с тех пор, когда в газете «Правда» состоялась дискуссия по вопросам советского языкознания (май – июль 1950 г.), в которой принял участие тов. И.В. Сталин. За это время в адрес Иосифа Виссарионовича Сталина и его работы «Марксизм и вопросы языкознания» было сделано немало критических выпадов (и в прозе, и в «стихах»). Я не намерен их здесь повторять и, тем более, популяризировать, а лишь попробую изложить свое **видение** причин появления этой сталинской работы.

Исторический контекст

В 1950 г. исполнялось 33 года Великой Октябрьской социалистической революции. За это время наша страна прошла большой путь в деле социалистического строительства, одержала Великую Победу и быстро восстанавливалась после разрушительной войны. Социализм продемонстрировал свои явные преимущества и жизнеспособность.

Но это же одновременно означало, что положения классического марксизма, разработанные во второй половине XIX в., утрачивали свою актуальность как для социалистического строительства внутри страны, так и для внешней политики советского государства. Классический марксизм достаточно подробно и адекватно описывал домонополистический капитализм и лишь в самых общих чертах рисовал контуры будущего коммунистического общества. Поэтому в новых исторических условиях, сложившихся после окончания второй мировой войны, существенно изменившей облик мира, после того как капитализм уже давно перешел в монополистическую стадию и началось крушение старой колониальной системы, теория классического марксизма отчасти начала утрачивать свой объяснительный потенциал, в связи с чем и возникла потребность в его дальнейшем теоретическом развитии. Кроме

того, и практический опыт социалистического строительства в нашей стране нуждался в соответствующем теоретическом осмыслении, тем более, что после окончания войны началось строительство социализма в Китае и в ряде восточно-европейских стран, что, в свою очередь, требовало «привязки» марксизма к новым конкретно-историческим условиям, существенно отличавшимся от условий дореволюционной России. Именно в силу названных обстоятельств в первые послевоенные годы теоретические вопросы марксизма становятся особенно актуальными.

Общественно-историческая практика признается в марксизме важнейшим критерием истины. Вторая мировая война, как наиболее острая форма разрешения накопившихся противоречий, стала серьезным испытанием не только для государств, народов и политических систем, но и для марксизма как общественной теории. Поэтому, при обнаружении признаков несоответствия марксистской теории общественно-исторической практике нельзя было исключать как изначальной неполноты, так и ошибочности некоторых положений теории классического марксизма.

Работе по серьезному пересмотру положений классического марксизма применительно к новым историческим условиям и созданию теоретической базы построения социализма необходимо предшествует инвентаризация и разбор конкретных сбоев имеющейся теории. Именно в этом видятся мне подлинный смысл и значение работы И.В. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания». В этом отношении она не одинока, к ней вплотную (и по времени и по целям) примыкает другая его работа – «Экономические проблемы социализма в СССР», вышедшая накануне XIX съезда партии, которая была посвящена вопросам политической экономии, см.:

«Более того, я думаю, что необходимо откинуть и некоторые другие понятия, взятые из "Капитала" Маркса, где Маркс занимался анализом капитализма, и искусственно приклеиваемые к нашим социалистическим отношениям» [6, с. 43–44].

Руководя огромной страной, И.В. Сталин не мог подобно К. Марксу десятилетиями создавать один капитальный трактат. Поэтому теоретические работы Иосифа Виссарионовича Сталина являются результатом его рефлексии над текущими актуальными проблемами, постоянно возникающими в жизни страны и общества. Последовавшая вскоре смерть И. В. Сталина привела к тому, что две его последних крупных работы оказались отдельными, изолированными, находящимися вне контекста своего логического продолжения, и как следствие, не до конца, а значит, и не вполне правильно понятыми. Как современниками, так и потомками. Именно в этом видится объяснение такому количеству критических публикаций в их адрес.

Дискуссия

Одной из таких проблем, которая привлекла внимание И.В. Сталина и потребовала серьёзного теоретического рассмотрения, явилась ситуация, сложившаяся в советском языкознании, где за внешне громкими межличностными конфликтами в академической среде им была вскрыта изначальная неполнота классического марксизма.

В декабре 1949 г. исполнялось 15 лет со дня смерти, а в январе 1950 г. – 85 лет со дня рождения Николая Яковлевича Марра. К этим датам были приурочены целый ряд публикаций (как в периодике, так и отдельными изданиями) и различные научные собрания. Как известно, юбилейный жанр не предполагает сколь-нибудь развёрнутую критику юбиляра и его работ. Этим и решили воспользоваться некоторые последователи Н.Я. Марра для административного восстановления его научной концепции, ошибочность положений которой была к тому времени уже достаточно широко признана в научном сообществе.

Возникший в результате конфликт стал стремительно разрастаться и быстро вышел за пределы собственно академической среды. 9 мая 1950 г. газета «Правда» *«в связи с неудовлетворительным состоянием, в котором находится советское языкознание»* открыла на своих страницах *«свободную дискуссию с тем, чтобы путем критики и самокритики преодолеть застой в развитии советского языкознания и дать правильное направление дальнейшей научной работе в этой области»*. Дискуссионные материалы публиковались еженедельно по вторникам и целиком занимали 3 и 4 страницы газеты (статья А.С. Чикобава, опубликованная 9 мая, занимала еще и часть 5-й страницы). Всего вышло 9 дискуссионных листков и 4 июля 1950 г. дискуссия была закрыта.

За это время на страницах газеты «Правда» выступили 24 участника дискуссии (некоторые из них выступили 4 июля по второму разу); среди участников были 4 действительных члена АН СССР (В.В. Виноградов, И.И. Мещанинов, С.П. Обнорский, В.Ф. Шишмарев), один почетный член АН СССР (И.В. Сталин), 6 академиков АН союзных республик (трое из них были членами-корреспондентами АН СССР); некоторые участники дискуссии (Б.А. Серебренников, С.П. Толстов, Ф.П. Филин) стали впоследствии академиками АН СССР. Единственной женщиной, принявшей участие в дискуссии, была Е.М. Галкина-Федорук, незадолго до этого защитившая докторскую диссертацию.

Сталин о языке

И.В. Сталин трижды выступал на страницах газеты «Правда» по вопросам языкознания. Первый раз – 20 июня со статьей «Относительно марксизма в языкознании», построенной в виде ответов на вопросы; второй раз – 4 июля со статьей «К некоторым вопросам языкознания», содержащей ответы на вопросы Е.А. Крашенинниковой; и последний,

третий раз уже за рамками собственно дискуссии – 2 августа со статьей «Ответ товарищам», составленной из трёх ответных писем на поступившие вопросы. Тем же летом все эти выступления И.В. Сталина с незначительными текстуальными изменениями редакционного характера были изданы отдельной брошюрой под названием «Марксизм и вопросы языкознания» [4], по которой и приводятся цитаты в нашей статье.

Свое выступление «Относительно марксизма в языкознании» И.В. Сталин начинает с заявления своей исследовательской позиции: «Я не языковед... Что касается марксизма в языкознании, как и в других общественных науках, то к этому я имею прямое отношение» [4, с. 7]. И как философа-марксиста его, прежде всего, интересует место языка в ряду других социально-философских категорий.

Отвечая в своей статье на первые два поставленные вопроса (о языке как части надстройки и его классовом характере), И.В. Сталин утверждает, что язык не является надстройкой над базисом и не носит классового характера.

До сих пор *все* общественные явления, к каковым, безусловно, относится и язык, делились марксизмом между базисом и надстройкой *без остатка*. При этом и базис, и надстройка были достаточно подробно описаны, была рассмотрена диалектика их взаимоотношений.

Основоположники марксизма оставили целый ряд рассуждений о языке, однако, сведённые воедино, они не представляют собой последовательного и целостного видения языка в марксизме и не дают однозначного ответа на вопрос о надстроечном и/или классовом характере языка. В своей работе И.В. Сталин приводит ряд цитат из произведений К. Маркса, Ф. Энгельса и П. Лафарга, на которые ссылались предшествующие участники дискуссии и в которых прямо или косвенно указывается на надстроечный и/или классовый характер языка. При этом И.В. Сталин не отвергает их, не «сбрасывает с парохода современности» (указав, правда, на ошибку П. Лафарга), но даёт этим высказываниям *свою интерпретацию*.

В ходе своих рассуждений И.В. Сталин убедительно показывает, что язык, обладая определёнными признаками и базиса, и надстройки, тем не менее, не принадлежит ни к тому, ни к другому. А это значит, что наряду с базисом и надстройкой есть нечто *третье*, включающее в себя, как минимум, язык. Причем это третье является для марксизма абсолютной *terra incognita*: неизвестен его состав (входит ли в него еще что-либо кроме языка), а значит, неизвестна его внутренняя структура, принципиально неизвестны его отношения с базисом и надстройкой, у этого третьего нет даже своего имени. Т.е. это явная лакуна в марксистской теории. При этом нельзя исключать, что серьёзная теоретическая разработка третьего может привести к существенному переструктурированию отношений в паре «базис – надстройка».

Столь серьезное расширение классического марксизма не осталось незамеченным читателями «Правды». Об этом говорят, например, поступившие к И.В. Сталину вопросы Е.А. Крашенинниковой.

Примечание: А.Г. Спиркин (советский философ, на момент дискуссии – кандидат наук, сотрудник Института философии АН СССР) в своих воспоминаниях утверждает, что именно он является автором этих вопросов. Во избежание нежелательных для себя последствий, письмо в Кремль он попросил подписать свою жену – Е.А. Крашенинникову, на тот момент аспирантку. (Не обсуждая вопрос о нравственной стороне поступка философа, заметим лишь, что, так и не решившись подписаться под своими вопросами к И.В. Сталину в 1950 г., в 1991 г. А.Г. Спиркин весьма смело иронизировал над некоторыми событиями, происходившими во время дискуссии и вскоре после неё.)

Первый и главный вопрос, подписанный Е.А. Крашенинниковой, был сформулирован достаточно осторожно (чем, похоже, и воспользовался И.В. Сталин):

«В Вашей статье убедительно показано, что язык не есть ни базис, ни надстройка. Правомерно ли было бы считать, что язык есть явление, свойственное и базису, и надстройке, или же правильное было бы считать язык явлением промежуточным?» [4, с. 73].

На что И.В. Сталин отвечает, что язык нельзя причислить ни к разряду базисов, ни к разряду надстроек; его нельзя также причислить к разряду «промежуточных» явлений между базисом и надстройкой, так как таких «промежуточных» явлений не существует [4, с. 76].

Наша интерпретация: Промежуточных (вариант: переходных) между базисом и надстройкой явлений действительно не существует, а существует самостоятельная, наравне с базисом и надстройкой, область третьего (ведь куда-то же был выведен язык из надстройки). Возможно, осознавая радикальность такого подхода, И.В. Сталин проявил некоторую осторожность и предпочел не артикулировать его столь категорично, а лишь буквально ответил на поставленный вопрос (*sapienti sat*).

Как бы там ни было, осознавал И.В. Сталин теоретические последствия выведения языка из надстройки или нет, но оставлять и дальше язык частью надстройки было нельзя, поскольку *все* элементы надстройки в классовом обществе носят классовый характер, т.е. единый национальный язык в классовом обществе невозможен, что явно противоречит не только сталинскому определению нации [5, с. 296], но и самой сути языка как важнейшего средства человеческого общения. Между тем, *никто* из участников дискуссии, выступавших до И.В. Сталина, не оспаривал надстроечного характера языка, и лишь некоторые отрицали его классовый характер. (Поэтому сторонники Н.Я. Марра, признававшие как надстроечный, так и классовый характер языка, были

более последовательными марксистами, чем их оппоненты, признававшие язык частью надстройки, но отрицавшие его классовый характер.)

Однако, похоже, что к И.В. Сталину продолжали поступать всё новые и новые вопросы, в которых, конечно же, приводились очередные цитаты из работ К. Маркса, Ф. Энгельса и В.И. Ленина, требующие своего разъяснения. В итоге И.В. Сталину пришлось выступить еще раз и уже достаточно резко. Имеется в виду его ответ товарищу А. Холопову.

Наша интерпретация: Это вымышленный собирательный персонаж, превращающий цитаты классиков в догмы. Такой вывод был сделан исходя из следующих наблюдений.

1. Слишком говорящая фамилия для такой роли.
2. О личности А. Холопова ничего не известно (правда, кто такие Д. Белкин и С. Фурер также ничего не известно; другие адресаты И.В. Сталина – Е. Крашенинникова и Г. Санжеев – вполне реальные лица; Г. Санжеев принял участие в дискуссии 23 мая).
3. В тексте ответа А. Холопову адресат письма неоднократно упоминается в третьем лице, в связи с чем и сам фактически становится темой обсуждения с читателями газеты. Нечто подобное присутствует в ответе на письма Д. Белкина и С. Фурера, но там упоминание Д. Белкина в третьем лице оправдано необходимостью указания, на чей именно вопрос (из двух авторов двух писем) даётся ответ.
4. Слишком суровый обличительный тон публичного ответа на непублично заданные вопросы никому не известного автора; достаточно явный, чтобы сделать реального живого человека изгоем в его трудовом коллективе.

В этом своем ответе А. Холопову И.В. Сталин приводит примеры того, как развитие марксизма приводило к новым формулировкам, прямо противоположным тем, которые изначально давали К. Маркс и Ф. Энгельс, и в этой связи резко критикует «начётчиков и талмудистов», а также призывает всех к творческому развитию марксистско-ленинского учения:

«Марксизм, как наука, не может стоять на одном месте, – он развивается и совершенствуется. В своем развитии марксизм не может не обогащаться новым опытом, новыми знаниями, – следовательно, отдельные его формулы и выводы не могут не изменяться с течением времени, не могут не заменяться новыми формулами и выводами, соответствующими новым историческим задачам. Марксизм не признает неизменных выводов и формул, обязательных для всех эпох и периодов. Марксизм является врагом всякого догматизма» [4, с. 113–114].

Этими словами И. В. Сталин заканчивает свои выступления по вопросам языкознания, подводя ими одновременно и итог всей состоявшейся дискуссии.

Марризм и марксизм

Именно из-за несоответствия языка ни базису, ни надстройке (о чем, возможно, и подозревали классики марксизма, хотя бы интуитивно), по всей видимости, и не состоялось философское рассмотрение языка в марксизме.

Ведь если язык является частью надстройки, то он неизбежно принимает классовый характер в классовом обществе. А отсюда уже не сложно сделать вывод, что народные и аристократические языки разных наций ближе друг к другу, чем народный и аристократический языки одной нации. Тем более, что армянский и грузинский языки дают этому соответствующие примеры (что было признано в ходе дискуссии).

Принимая во внимание тезис К. Маркса о том, что отсталая нация, глядя на передовую нацию, видит в ней свое будущее в его существенных чертах, вполне можно сделать вывод о единстве, в том числе, и глоттогонического процесса. А если язык носит надстроечный характер, то этапы (стадии) этого процесса неизбежно должны как-то соотноситься со сменяющимися друг друга общественно-экономическими формациями. Методика четырёхэлементного анализа была лишь неудачной (что было признано всеми участниками дискуссии) попыткой осмысления этого, предполагавшегося единым, процесса языкотворчества.

Объединившимся пролетариям всех стран неминуемо потребуются единый язык общения. Поэтому единственность языка в светлом коммунистическом завтра также не вызывает сомнения. Но чтобы в результате единого глоттогонического процесса возник один общий язык, процессы схождения (скрещения) языков должны были преобладать над процессами их расхождения. Отсюда вполне закономерно вытекает гипотеза об изначальной множественности языков, которые в ходе длительного исторического развития сольются в единый язык всего человечества.

Можно спорить и не соглашаться с Н.Я. Марром по очень многим вопросам, но предложенное им *общее* видение языка в целом вполне соответствует положениям классического марксизма. А те явные несообразности, к которым Николай Яковлевич Марр приходит в результате своих рассуждений, как раз и коренятся в отнесении им языка к надстроечным явлениям (а куда еще Н.Я. Марр мог отнести язык?). Именно поэтому «Новое учение о языке» не стало марксистским языкознанием. Подлинное же марксистское осмысление языка не может состояться без философского осмысления этого самого третьего, куда и входит язык.

Язык вне базиса и надстройки

Выделение третьего, наряду с базисом и надстройкой, выявило наличие общественных явлений, не устранимых никакими социальными революциями и сменами общественно-экономических формаций (когда базис и надстройка заменяются полностью), т.е. того наследства, от которого не должно отказываться ни при каких исторических катаклизмах. Присутствие в этом третьем языка однозначно говорит о национально-специфическом характере этого наследства.

Таким образом, тезис интернационализма, обоснованный в самом начале формирования марксистской теории, оказывается не абсолютным, не безусловным, а ограниченным своим антитезисом патриотизма. Ограниченным не так, как ростки зарождающегося нового ограничены пережитками отмирающего старого, а так же, как ограничивают друг друга форма и содержание, сущность и явление, необходимость и случайность, и целый ряд других категорий диалектики.

Одной из особенностей категорий диалектики является их способность переходить друг в друга, т.е. в свою противоположность. Это свойство присуще и паре «интернационализм – патриотизм», поскольку патриотизм одного народа (например, «всеотзывчивого») является, по сути, интернационализмом, а интернационализм другого народа (например, «гордого») может иметь откровенно шовинистическое содержание.

Свое разрешение противоречие между тезисом и антитезисом находит в некоем синтезе. Поэтому необходим поиск синтеза интернационализма и патриотизма как в теоретическом, так в практическом плане. Поскольку речь идет о неких исторических константах, находящихся вне изменчивых базиса и надстройки, то примеры такого синтеза уже должны были быть в истории, и на них следовало обратить пристальное внимание. Как представляется, одним из примеров такого синтеза является Православие. Исповедуя общую (интернациональную) Христианскую идею, каждая автокефальная церковь имеет свои конфессиональные (национально-специфические, патриотические) особенности, как например, богослужение на своем языке и свой пантеон святых (наряду с общехристианским). Этим Православие отличается от Католицизма, где национально-специфическое если и присутствует, то в предельно редуцированном виде. При этом доминирование интернационального над патриотическим оказывается уязвимым именно в национальном вопросе. Применительно к Католицизму это убедительно показала Реформация.

Марксизм, родившись в западноевропейском культурном ареале и с самого начала провозгласив тезис интернационализма, неизбежно нес в себе «католические» черты и угрозу будущего раскола. (Ретроспективно здесь можно указать на маоизм, еврокоммунизм, идеи чучхе

и нек. др., которым в 1950 г. еще только предстояло сформироваться и развиваться. В каждом из этих случаев возникали напряженности в межпартийных отношениях, которые в ряде случаев переходили на межгосударственный уровень, принимая подчас предельно острые формы.) Работа на мировой арене в рамках классического («католического») марксизма означала для СССР игру на чужом поле, чрезмерные перегрузки и неизбежное поражение. Став по итогам войны мировым лидером, Советский Союз остро нуждался в патриотической («православной») версии марксизма, т.е. в дальнейшем его развитии в части разработки антитезы «интернационализм – патриотизм» и в необходимости изучения неизвестного пока третьего.

Свою роль в разрешении этой важной и сложной проблемы должны были сыграть советские языковеды, поскольку стало ясно, что в состав третьего входит язык (и пока только он). При этом требовалось не доказывать верность марксизму текстуальным сходством своих выводов с цитатами из произведений основоположников марксизма-ленинизма, а творчески развивать марксизм.

Примечание: Предложенное в ходе дискуссии издание по возможности полной антологии высказываний классиков марксизма-ленинизма о языке так и не было осуществлено, а книга П. Лафарга [3] не переиздавалась, давно став библиографической редкостью. Высказывания К. Маркса и Ф. Энгельса, из которых можно сделать вывод о надстроечном и/или классовом характере языка не вошли в хрестоматии по истории языкознания [2] и [1], в которых есть специальные разделы, посвященные марксизму.

Именно таким творческим развитием марксизма и занимался Н.Я. Марр, который не боялся поправлять классиков. Он *«действительно хотел быть и старался быть марксистом, но он не сумел стать марксистом»* [4, с. 67]. Однако в науке отсутствие положительного результата тоже есть результат. Как говорит главный герой фильма «9 дней одного года», *«Опыт закончился неудачей. Ну что ж, это закономерно. Зато из 100 возможных путей к истине один испытан и отпал. Осталось только 99»*.

Последовательно проводя в своих исследованиях положение о надстроечном и классовом характере языка и придя в результате к очевидным противоречиям с практикой, Н.Я. Марр фактически доказал методом от противного, что язык не является частью надстройки и не носит классового характера. Однако, будучи филологом, он не смог сделать соответствующих философских выводов (*«не сумел стать марксистом»*). Их сделал И.В. Сталин. Поэтому, в известном смысле, Н.Я. Марр и И.В. Сталин являются соавторами.

Сравнительно-исторический выбор

А пока это третье не было осмыслено философски, необходимо было интенсифицировать научные исследования входящего в него языка, чтобы создать теоретическую основу для возможных в дальнейшем философских выводов. Для начала таких лингвистических исследований следовало практически административно вывести язык из ложной надстроечно-классовой парадигмы, для чего и был решительно отвергнут марризм. Одновременно И.В. Сталин реабилитирует сравнительно-исторический метод:

«Н.Я. Марр крикливо шельмует сравнительно-исторический метод, как "идеалистический". А между тем нужно сказать, что сравнительно-исторический метод, несмотря на его серьёзные недостатки, все же лучше, чем действительно идеалистический четырёхэлементный анализ Н.Я. Марра, ибо первый толкает к работе, к изучению языков, а второй толкает лишь к тому, чтобы лежать на печке и гадать на кофейной гуще вокруг пресловутых четырёх элементов» [4, с. 68–69].

Это восстановление в правах сравнительно-исторического языкознания вполне объяснимо с марксистских позиций.

Во-первых, историзм является базовым методологическим принципом марксизма. Во-вторых, сравнительно-историческое языкознание, как и марксизм, имело своим источником немецкую классическую философию и поэтому вполне могло принять в себя основные марксистские положения (роль народных масс и личности в истории; движущие причины исторического развития; соотношение между собой общественно-исторической практики, общения, языка и мышления; и ряд других). Более того, принятие этих принципов безусловно могло способствовать преодолению того кризиса, в котором оказалось сравнительно-историческое языкознание на стыке XIX и XX вв., когда оно стало работать в иной философской парадигме, когда относительно богатая немецкая классическая философия была вытеснена философски предельно бедными позитивистскими подходами.

Все остальные парадигмы языкознания того времени несли в себе достаточно явное противоречие основным принципам марксизма. Структурализм был очевидным образом антидиалектичен, поскольку в синхроническом языкознании нет места движению как разрешению противоречий. Индивидуализм и идеализм эстетического подхода не могли быть переосмыслены в материалистических категориях без утраты своего смыслового ядра. Генеративизм, которому еще только предстояло заявить о себе в 1950-е годы, со своими врожденными идеями был слишком механистичен и индивидуалистичен (и даже асоциален).

Особняком в этом ряду стоит неогумбольдтианство. Оно, как и марксизм, и сравнительно-историческое языкознание имеет своим ис-

точником немецкую классическую философию. Его идеалистические категории имеют вполне материалистические соответствия, что делает возможным прививку неогумбольдтианства к марксистскому языкознанию (например, «дух народа» вполне коррелирует с «психическим складом, проявляющимся в общности культуры» из сталинского определения нации [5, с. 296]). Скорее всего, неогумбольдтианство было на тот момент слишком нетехнологично для конкретной науки.

Вместе с тем, нельзя исключать, что при сохранении известных тенденций в послевоенной жизни страны (и в частности борьбы с низкопоклонством перед Западом) научный подход «Родной язык и формирование духа» вполне мог бы быть поставлен в повестку дня. Во всяком случае, после исключения языка из надстройки такой подход уже не являлся враждебно-идеалистическим и вполне вписывался в формулу «бытие определяет сознание». Однако очень скоро отечественные лингвисты, уже в силу своей специальности владевшие иностранными языками, заговорили о языке на языке для себя и своего Отечества иностранном. Это явно не способствовало не только формированию их духа как народного, но и формированию собственно национальной точки зрения на язык.

Некоторые «прогрессивно мыслящие» исследователи расценивают обращение в 1950 г. к сравнительно-историческому языкознанию как некоторый шаг назад в развитии отечественной науки о языке (при том, что в обращении к структурализму в 1960 г. они никакого анахронизма не видят). Однако, как представляется, подлинный прогресс в науке отличается от суетной погони за последней новомодной на Западе «концепцией». Он состоит в выборе более богатой философской системы (каковой и являлся марксизм-ленинизм) в качестве мировоззренческой базы и наиболее полно отвечающего ей (т.е. способного в наибольшей степени реализовать её познавательный потенциал) научного подхода для разрешения актуальных научных проблем.

Академическая среда

И.В. Сталин не ограничился указанием на конкретную научную парадигму при ответе на вопрос, каким быть советскому языкознанию. В сложившейся ситуации этого было явно недостаточно. В силу неразработанности в марксизме философских оснований теории языка любая серьёзная языковедческая работа могла быть подвергнута идеологическим нападкам. Чтобы исключить это, Иосиф Виссарионович Сталин указал на недопустимость «аракчеевского режима» в языкознании, на необходимость борьбы мнений и свободы критики в науке. Только в этом случае появляется возможность прорваться к осмыслению неизвестного третьего.

Для создания такой атмосферы необходимо было самому показать пример соответствующего поведения. Поэтому, подвергнув жесткой критике Н.Я. Марра за *«грубейшие ошибки, когда он вносил в языкознание элементы марксизма в искаженном виде»*, И.В. Сталин признавал, что у Н.Я. Марра:

«... есть отдельные хорошие, талантливо написанные произведения, где он, забыв о своих теоретических претензиях, добросовестно и, нужно сказать, умело исследует отдельные языки. В таких произведениях можно найти немало ценного и поучительного. Понятно, что это ценное и поучительное должно быть взято у Н.Я. Марра и использовано» [4, с. 87].

Это нужно было сказать ещё и потому, что к 1950 г. уже значительная часть преподавателей и научных работников в области языкознания сформировалась и выросла именно в русле «Нового учения о языке». Поэтому любая «охота на ведьм» могла полностью лишит страну и языкознания, и языковедов, не говоря уже о решении задач более высокого порядка.

Несмотря на критику «аракчеевского режима» и признание со стороны И.В. Сталина заслуг Н.Я. Марра, смена научной парадигмы не прошла безболезненно для последователей Николая Яковлевича; в ряде случаев «аракчеевский режим» просто поменял свой знак, и некоторые крупные ученые были отрешены от научной и преподавательской деятельности. Однако вряд ли в этом следует искать личную вину самого И.В. Сталина.

На наш взгляд, сохранение «аракчеевского режима» свидетельствует о том, что он связан не с какими бы то ни было персоналиями (будь то Н.Я. Марр, И.В. Сталин или кто-то еще), а с неустраняемыми свойствами (атрибутами) самой академической среды. И если это так, то в целях развития науки и государства (являвшегося главным заказчиком научных исследований в Советском Союзе) в ряде случаев было необходимо внешнее (административное, организационное, тематическое, мировоззренческое и пр.) воздействие на эту среду.

Примечание: Менее чем за год до начала дискуссии, в августе 1949 г. в Советском Союзе прошло успешное испытание атомной бомбы. В ходе работ над ней представители академической среды проявили себя по-разному. Однако государственное управление научными разработками в этой области под общим руководством Л.П. Берия позволило решить сложнейшую научно-техническую проблему в кратчайшие сроки.

И.В. Сталин вскрыл причину неудач Н.Я. Марра. Теперь надо было снова идти вперед и штурмовать небо. Однако далеко не все отечественные лингвисты оказались к этому готовы. Создавать подлинно революционную теорию значит выходить навстречу шквалистым ветрам, валящим человека с ног, значит падать, вставать и идти дальше

(или, что не исключено, упасть и уже не встать никогда). Но в ходе дискуссии выяснилось, что некоторые её участники не прочь были укрыться от любой непогоды в уютной скорлупе «языка в себе и для себя», разрабатывая, адаптируя или просто пересказывая популярную на Западе концепцию, и «не высовываться» ни в базис, ни в надстройку. Что, в конце концов, и возобладало в отечественном языкознании по прошествии нескольких лет.

Заключение

В результате дискуссии и выступлений И.В. Сталина в советской науке на место «Нового учения о языке» в качестве ведущего направления лингвистических исследований пришло сравнительно-историческое языкознание. Другим важным результатом событий лета 1950 г. стало учреждение журнала «Вопросы языкознания». С этим изданием были связаны многие участники дискуссии. В первом составе редколлегии главным редактором стал В.В. Виноградов, его заместителем – Г.Д. Санжеев, а членом редколлегии – А.С. Чикобава. Впоследствии в состав редколлегии входили Б.А. Серебренников и Г.В. Церетели, а Ф.П. Филин был главным редактором. Некоторые другие участники дискуссии публиковались на страницах этого издания. Первый номер журнала был подписан в печать 28 февраля 1952 г. и открывался большой редакционной статьей «Задачи советского языкознания в свете трудов И.В. Сталина и журнал "Вопросы языкознания"».

Однако из-за последовавшей вскоре смерти И.В. Сталина и первого вала десталинизации актуальные теоретические проблемы марксизма и общего языкознания не только не были решены, но была снята и сама их постановка. Поэтому, как представляется, у интернационалистского Советского Союза и не оказалось разработанных теоретических положений и соответствующих им политических практик, противостоящих разрушительным формам национализма и сепаратизма, что во многом и предопределило его распад по национальным границам в результате второго вала десталинизации. Сегодня, когда под лозунгами толерантности и мультикультурализма (т.е. либеральной версии интернационализма) десталинизацию собираются активно продолжать, разломы проходят уже по территории России.

Критики И.В. Сталина и его работы «Марксизм и вопросы языкознания» любят повторять, что недоучившийся семинарист (ставший почетным членом АН СССР) не может определять направления развития науки. Они свято верят, что имеющиеся у них дипломы о законченном образовании и научных степенях и званиях достоверно свидетельствуют об их интеллектуальном превосходстве над И.В. Сталиным. Искренне сомневаюсь в этом их превосходстве *de facto*.

Список литературы

1. Березин Ф.М. История советского языкознания: Хрестоматия [Текст] / Ф.М. Березин. – М. : Высш. школа, 1981. – 351 с.
2. Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX вв. в очерках и извлечениях. В 2 ч. Ч II. [Текст] / В.А. Звегинцев. – М. : Просвещение, 1965. – 495 с.
3. Лафарг П. Язык и революция [Текст] / П. Лафарг. – М.-Л. : Academia, 1930. – 100 с.
4. Сталин И.В. Марксизм и вопросы языкознания [Текст] / И.В. Сталин. – М. : Политиздат, 1950. – 114 с.
5. Сталин И.В. Марксизм и национальный вопрос [Текст] / И.В. Сталин // Сочинения : в 13 т. / И. В. Сталин. – М., 1951. – Т. 2. – С. 290–367.
6. Сталин И.В. Экономические проблемы социализма в СССР [Текст] / И.В. Сталин. – М. : Политиздат, 1953. – 223 с.

STALIN, MARXISM AND LINGUISTICS ISSUES

A.O. Khanskiy

Tver State University, Tver

Josef Stalin's contribution to Marxist theoretical doctrine and theory of linguistics in the course of 1950 discussion is being reassessed in the article.

Keywords: *history of Marxist philosophy, sociology of language, history of linguistics, philosophy of language; 1950 discussion on Soviet linguistics issues.*

Об авторе:

ХАНСКИЙ Александр Олегович – кандидат филологических наук, руководитель Редакционно-издательского центра оперативной печати факультета иностранных языков и международной коммуникации Тверского государственного университета,
e-mail: tver_uni_injaz@mail.ru